

леннямі прасл. *korsteljb*. Л. А. Булахоўскі, прааналізаваўшы падобны польскі і чэшскі матэрыял, назваў такія паднаўленні «оживлением утраченной связи со звучанием»³. 2. Паднаўленнямі (ці скажэннямі?) бел. *сілязэнь, сілязэнька* 'самец вадаплаваючых птушак' з'яўляюцца назвы *сэлюх* (Сварынь Драгічынск.) і *сэляг* (Сымонавічы Драгічынск.). 3. Магчыма, што падобным жа паднаўленнем шыракораспаўсюджанага *каня* 'кнігаўка' выступае *кнёўка* (Чэхі Астравецк.; можа быць, тут была і пераходная ступень — гіпатэтычнае *канеўка*).

Рэлікты эўфемістычных назваў. 1. Эўфемістычнай назвай жураўля, убачанага ў першы раз у годзе, з'яўляецца *высёлык* (Сымонавічы Драгічынск.). Падобныя назвы зафіксаваны ў некаторых іншых палескіх населеных пунктах, але ўжо як звычайныя: *васілёц, веселёц, вэсёлык* 'журавель звычайны, журавель шэры' (Сварынь Драгічынск., Замошша, Баравое Лельчыцк., Ольпень Столінск.). 2. Можа быць, такой назвай з'яўляецца (або з'яўлялася) *бóгаўка* 'сітаўка белая, сітаўка жоўтая', адзначаная ў Манякова Міёрскага р-ну.

Акрамя вылучаных прымет, па якіх мы размеркавалі частку беларускіх назваў птушак, відаць, ёсць і іншыя. Аднак сабраны намі матэрыял не дазваляе пакуль што з дастатковай перакананасцю вылучыць яшчэ якія-небудзь групы ў даследуемай лексічнай мікрасістэме.

¹ Булаховский Л. А. Славянские наименования птиц.— Мовознавство, 1948, т. 6, с. 66.

² Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях птиц.— Советская тюркология, 1970, № 2, с. 86.

³ Булаховский Л. А. Указ. работа, с. 44.

Г. Н. КЛЮСОВ

О ЛИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Категория лица занимает в синтаксической структуре предложения центральное место наряду с категориями времени и модальности (без ограничения последней только формами трех наклонений глагола). Триединство этих категорий, по общему признанию, определяет сущность такого понятия, как предикативность — первоосновы существования предложений в их различных модификациях¹.

О синтаксической роли категории лица хорошо сказано у А. М. Пешковского: «Лицо есть необходимая категория языковой (да и не только языковой) мысли, присущая ей по самой ее сущности: ведь без лица говорящего не может быть и речи, лицо говорящее необходимо предполагает лицо слушающее, а оба эти лица необходимо предполагают внешний мир, их объемлющий, являющийся для них третьим лицом. Три лица — это три основные точки языкового сознания, как три времени — три основные точки внутреннего восприятия. И как не может быть «четвертого», «пятого» и т. д. лица, так не может и совсем не быть лица в мысли. Даже и с неязыковой точки зрения по крайней мере два лица необходимы: «я» и «не я». «Безличность» в собственном смысле слова есть то же, что «внеличность», т. е. понятие метафизическое (как вневременность и внепространственность)»².

Свое лексическое выражение категория лица находит в единично-личных местоимениях, образующих замкнутую систему с эгоцентрической точкой отсчета: *я* — лицо говорящее (первое), *ты* — лицо адресата речи (второе), *он, она, оно* — лицо предмета речи, а не участника ее (третье); параллельно располагаются и множественно-личные местоимения *мы, вы, они*. Указанные личные значения этих местоимений являются категориальными, т. е. общезыковыми, прямыми, независимыми от контекста (автосемантическими).

Наряду с этим в речевом употреблении наблюдаются определенные сдвиги в семантике личных местоимений, приводящие к характерным

преобразованиям их исходных категориальных значений. Таковы известные примеры замены фамильярного или грубого *ты* вежливым и официальным *вы*; употребление *ты* в общеличном значении (*упрямому хоть ты кол на голове теши*); авторское и лекторское *мы* в единично-личном значении; то же *мы* со второлличным значением в стандартной формуле докторского обращения к пациенту (*как мы себя чувствуем?*) или в случаях намеренного пренебрежения к личному достоинству собеседника, напр.: *Я у тебя никогда ничего не брала*. — «Так ли? А когда мы еще не были известной артисткой, то на чей счет мы жили?» (А. Чехов, *Mari d'elle*). Сюда же относятся еще два приема экспрессивной транспозиции местоимений *ты* и *я*. В первом случае с целью нарочитого «отстранения» от собеседника его обозначают посредством третьеличного местоимения (*Я ему одно, а он другое. Пойми же ты наконец!*) Во втором случае речь или мысль о самом себе выражается как о третьем лице, напр.: «*Это удивительно, как я умна и как... она мила*», — продолжала она, говоря про себя в третьем лице и воображая, что это говорит про нее какой-то очень умный, самый умный и самый хороший мужчина... (Л. Толстой. *Война и мир*). И так как у Ромашова была немножко смешная, наивная привычка, часто свойственная очень молодым людям, думать о самом себе в третьем лице, словами шаблонных романов, то и теперь он произнес внутренне: «Его добрые, выразительные глаза подернулись облаком грусти...» (А. Куприн. *Поединок*). Наконец, переадресовка перволичного *я* на третьеличное *он* характерна для несобственно прямой речи, напр.: *Егоров на деньги Жура взял в клубном буфете вишнегрет, селедку и полфунта хлеба. Все съел, показалось мало. Подумал, не взять ли еще бутерброд с сыром и чаю с сахаром? Что он, не отдаст эти деньги Журу? Конечно, отдаст* (П. Ниллин. *Испытательный срок*).

Личные значения такого рода являются нерегулярными, функциональными, обусловленными контекстом или речевой ситуацией (синсемантичными). В основе их лежит метафорическая замена одной грамматической формы другою, т. е. метаптосис (ср. *утка здесь не водится* вместо *утки здесь не водятся*; *пошли!* вместо *пойдемте*).

Для существительных регулярным личным значением является значение третьего лица: всякое существительное как предмет речи или мысли соотносится с местоимением *он, она, оно, они*. А. М. Пешковский ссылался здесь на такое показательное обстоятельство: при личном глаголе-сказуемом в первом и втором лице единственно возможными подлежащими оказываются лишь местоимения *я, мы* и *ты, вы*, тогда как с третьеличным глаголом-сказуемым сочетаются не только местоимения *он, она, оно, они*, но и тысячи существительных различной семантики³.

Третьеличный характер субстантивных подлежащих обычно отмечается от случая к случаю — например, при необходимости указать все формы согласования сказуемого с подлежащим в предложениях типа *Наступает зима; Дни идут; Да здравствует разум!* и т. д. Но традиционная грамматика не находит здесь оснований для включения категории лица в перечень грамматических категорий существительного. Отчасти в этом сказывается привычный морфологизм при грамматической характеристике частей речи с их категориями (аналогичное положение наблюдается, например, в описаниях категории наклонения, так что многие исследователи признают необходимым различать наклонения морфологические и синтаксические). Отчасти действует соответствующая логическая аргументация: значение третьего лица у существительных не противопоставлено каким-либо другим личным значениям тех же существительных, а потому не является полновесным признаком данной категории, и, следовательно, признаком этим можно просто пренебречь. Кроме того, вполне возможно, что третьеличное значение существительного является не самостоятельным, а лишь рефлексным: предмет речи — это не-я и не-ты, и только в этом противопоставлении существительное сближается с местоимением третьего лица. Очевидно, единственным убедительным доводом в пользу наличия категории лица у существительных

с точки зрения формально-грамматической было бы такое положение, если бы существительные проявляли способность как-то сочетаться с личными формами глагола, следуя за ними в своих формах или значениях (вроде *мальчик читает, мальчик читаю, мальчик читаешь*), чего, как известно, в действительности нет.

Но вопрос предстает в ином свете, если исходить из ситуативно-речевого понимания структуры предложения, взятого в плане актуального содержания высказывания и актуальных значений лица в его компонентах. Необходимость такого подхода признается в современном синтаксисе: «...Категория лица и связанные с ней единицы языка и формы, почти несущественные и иногда вовсе исключаемые при формально-логическом понимании коммуникации, при ситуативном понимании коммуникации становятся необходимыми и важными»⁴.

В ситуативно-речевых условиях существительные обладают способностью приобретать значения первого и второго грамматического лица (а в совокупности с исходным третьеличным значением могут, следовательно, персонализироваться по всем трем лицам).

Перволичная персонализация существительных имеет семантико-синтаксический характер; формальные согласовательные связи существительного с глаголом в таких случаях остаются третьеличными, изменяется только функциональное значение самого существительного посредством метатопосиса, как и в аналогичных примерах с личными местоимениями. Такая персонализация проявляется в следующих пяти случаях.

1. В детской речи, например: *Вова хочет* (вместо *Я хочу*), *Маша упала* (вместо *Я упала*). Постоянная изменчивость релятивных речевых координат *я — ты — он* некоторое время оказывается непосильной для языкового сознания ребенка, и он предпочитает пользоваться конкретным именем, стабильным в речевой ситуации. Взрослым при общении с ребенком приходится переключаться на эту одномерную систему личных координат: *Мама любит Машу* (вместо *Я люблю тебя*); *Вова будет спать* (вместо *Ты спи*).

2. В речи представителей народов Восточной Азии, у которых национальные традиции не позволяют употреблять личные местоимения *я* и *ты*, а требуют замены их определенными существительными, отражающими социальную иерархию говорящих⁵. Естественно, что при необходимости изъясняться по-русски нормы родного языка заставляют говорящего обратиться к нейтральному, на его взгляд, самоназванию личным именем, например (в речи эвенка):

— *Бери олень, выюк, бери все. Илья близко Ямбуй один шаг не ходил* — кричал он.

— *Почему же ты не хочешь идти?* — спросил я как можно спокойнее (Г. Федосеев. Злой дух Ямбуя).

Теми же мотивами речевого этикета вызываются известные замены личных местоимений соответствующими притяжательными, например: *На вопрос, не знает ли он гольда Дерсу Узала, охотник отвечал: «Это моя». «Ничего, капитан, — сказал мне опять Дерсу. — Твоя можно спи»* (В. Арсеньев. Дерсу Узала).

3. В официальном самоназвании собственным именем (нередко с добавлением должности или звания). Это различные случаи представления при знакомстве, установления телефонного контакта, рапорта о явке и т. д., когда требуется лаконичная и четкая форма общения, напр.: *Начальник штаба... протянул Синцову руку: «Будем знакомы: полковник Пикин»* (К. Симонов. Солдатами не рождаются). *«Ивлев слушает».* — *«Здравия желаю, товарищ батальонный комиссар, — сказал Митя. — Беспокоит Туровцев с двести второй»* (А. Крон. Дом и корабль). *Разбудил его звонок. «Говорит Алиса Польша. Я жду тебя у загса». И назвала адрес* (В. Ливанов. Мой любимый клоун).

4. В разговорном самоназвании собственным именем. Этот речевой прием в основе своей обязан стремлению говорящего к самоутверждению

и упрочению престижа (говорящий как бы объективирует то, что о нем сказали бы со стороны — ср. пример с заменой местоимения *я* на *она* у Наташи Ростовой), но чаще всего выражает преувеличенное самомнение, заносчивость, амбицию, напр.: *Если бы лес был мой, то, честное слово Гронтовского, я не противился бы вашему приятному удовольствию. Но кто виноват, что Гронтовский зависим?* (А. Чехов. Пустой случай). *«Не говорите так! — закричал перепугавшийся Паниковский. — Я всех вас переживу. Вы не знаете Паниковского. Паниковский вас всех еще продаст и купит»* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

5. В несобственно прямой речи, характерной особенностью которой является как раз смещение личных форм и значений, напр.: *Меня отвели в участок; из участка — ко мне в комнату, сделали обыск, забрали много литературы и препроводили Грина в тюрьму* (А. Грин. Автобиографическая повесть). Такой пример легко представить как вкрапление в авторскую речь цитатного оборота из полицейской реляции: *Меня арестовали, сделали обыск и «препровели Грина в тюрьму»*. Все указанные случаи входят в общую формулу «о себе в третьем лице». Перволичное значение существительных раскрывается здесь при соответствующих трансформациях подобных предложений, когда любое релятивное личное значение определяется по отношению к системе опорных личных координат *я — ты — он*.

Второличное значение существительных представлено в обращении (вокативе, звательном падеже). Будучи наименованием адресата речи, обращение второлично по своему назначению и эквивалентно местоимениям *ты, вы*, что было отмечено еще А. А. Потебней⁶. Значение второго лица в обращении является регулярным, обобщенно-грамматическим, а не спорадическим отражением функциональных сдвигов в ситуативной структуре предложения, как в случаях перволичной персонализации существительных. Оппозиция значений третьего лица в существительных-подлежащих и второго лица в существительных-обращениях свидетельствует о наличии категории лица у существительных (или иначе: делает оба указанные значения категориальными). По своему характеру эта оппозиция подобна известным оппозициям именительного и винительного падежей неодушевленных существительных (*прошел год — прожить год, синее озеро — переплыть озеро, шумная площадь — пересечь площадь*) или оппозициям двувидовых глаголов типа *ранить, суммировать*.

Отсюда следует, что под единой оболочкой прямого падежа существительных скрываются два падежа — третьеличный именительный и второличный звательный. Л. В. Щерба был убежден в существовании звательного падежа в современном русском языке, но ссылаясь при этом только на интонационное отличие его от именительного⁷. Легко видеть, что звательная интонация вокатива — это внешнее выражение обращенности к адресату речи, т. е. инвариантного грамматического значения второго лица.

Второличный характер обращения (звательного падежа) особенно ярко выступает в предложениях со второличным глаголом-сказуемым. Таковы императивные предложения типа *Маша, сядь; Слушайте, дети*. Но существует и особая разновидность обращения, в которой значение второго лица преднамеренно ослабляется, делается функциональным, обусловленным только речевой ситуацией, а формально адресат речи представлен как третье лицо. Это свойственно так называемым косвенным обращениям, когда, например, вместо *Что скажете вы, Иван Иванович?* говорят (обычно адресуясь к одному из нескольких присутствующих): *Что скажет Иван Иванович?* В свою очередь адресат в ответной реплике может переключиться на заданную транспозицию личных значений и назвать себя также в третьем лице, например: *«Как на такую диспозицию смотрит комиссар?» — спросил Рязанцев. «Комиссар согласен с командиром»* (В. Синева. Свой остров).

Своеобразное отражение второличности обращений наблюдается в

контаминированных конструкциях, когда считается неучтывым употребить *ты* в сочетании со второлличным глаголом. Тогда на место *ты* ставится существительное, с которым сказуемое (глагол изъявительного наклонения) согласуется по второму лицу. В польском языке это просторечный прием вежливого обращения, например: *Pan myślisz, że to jest złe?* (буквально: *Пан думаешь, что это плохо?*); у нас такая конструкция возможна в детской речи, напр.: *А тетя пойдешь с нами?*

Специфически выражаются личные значения существительных в долженствовательных предложениях типа *Они отдыхают, а Иван работай; Он бесчинствует, а люди терпи*. Такие предложения вселичны: *Иван работай* может быть сказано в речевой ситуации и самим Иваном о себе (персонализация по первому лицу), и об Иване-собеседнике (персонализация по второму лицу), и об Иване как предмете речи (персонализация по третьему лицу). Необходимая конкретизация лица в подобных случаях выражается только личными местоимениями: *я работай, ты работай, мы работай* и т. д. Если в долженствовательном предложении существительное-подлежащее употреблено во второлличном значении, то возникает пересечение с императивными предложениями, в составе которых находятся второлличные существительные-обращения (*Иван, работай!*). Отличительным признаком последних становится подчеркнутая звательная интонация. Но в ряде случаев примеры типа *Знай сверчок свой шесток* остаются амбивалентными по синтаксическому значению.

Таковы общие контуры категориальных и функциональных личных значений существительных в современном русском языке. Структурно-семантический анализ предложений останется неполным без учета отмеченных особенностей выражения категории лица, одинаково относящихся к области грамматики и стилистики.

¹ См.: Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике.— М., 1975, с. 264. Существует и другое понимание предикации — как утверждения вневременной связи признака с предметом, когда категории лица и времени относятся к так называемой локации. (См.: Степанов Ю. С. Основы общего языкознания.— М., 1975, с. 134).

² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении.— М., 1956, с. 343.

³ Там же, с. 186.

⁴ Кодухов В. И. О двух основных аспектах предложения.— В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков.— Л., 1975, с. 35.

⁵ См.: Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем.— М., 1969, с. 160—161.

⁶ См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике.— М., 1958, т. I—II, с. 101.

⁷ См.: Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку.— М., 1957, с. 67; Лекции Л. В. Щербы по русскому синтаксису.— Вопросы языкознания, 1970, № 6, с. 88—89.

В. Л. ЛЕЩЕНКО

ВАРИАНТЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ И КРИТЕРИИ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ

Понятие варианта первоначально использовалось только в фонологии, в настоящее же время оно прочно вошло в практику лингвистического исследования и на других уровнях языка, в том числе и на синтаксическом. Но если в фонологии или морфологии мы имеем довольно точное определение варианта фонемы или слова, то в отношении синтаксиса, в частности, вариантов словосочетания, вопрос до сих пор теоретически мало разработан и вызывает ряд спорных и противоречивых мнений и суждений. Поэтому возникает необходимость дать более четкую дефиницию вариантов словосочетания и определить критерии их выделения, что является целью данной статьи.

I. **Формальная модификация.** Общепринятая дефиниция синтаксических вариантов как семантически эквивалентных вариаций в пределах одной синтаксической модели (словосочетания, предложения) не явля-